

ного наркома" — Кагановича. Я знал, как почитательно относились к его имени не только начальники, но и простые рабочие. Хотя в ту пору непосредственным министром железнодорожного транспорта был уже Бешев.

И вот теперь я ждал развенчанного, но еще могущественного Кагановича, хотел увидеть его, понять ту магическую силу, которую он источал из себя, внушал страх и уважение железнодорожникам.

Через полчаса дверь распахнулась и вошел Каганович в сопровождении коменданта зданий ЦК полковника Сергея Сергеевича Грибанова.

Каганович осмотрел приемную, хмыкнул и подал мне огромную, как лопата, руку. У меня, считали, тоже была могучая ладонь, но она утонула в его пухлой огромной руке с железными пальцами. Я предложил Кагановичу сесть, но он прежде чем усесться в предоставленное ему кресло, бросил мне:

— Доложи Ильичеву.

— Он сейчас занят, — промямлил я, — и вам придется немного подождать.

Каганович опять загадочно хмыкнул и, вспоминая, задумчиво сказал:

— Давно не был в здании ЦК, а когда-то сидел в этом кабинете. Тогда и в Кремль падали бомбы, но об этом мало кто знал. Сталин при налетах не всегда даже спускался в бомбоубежище, хотя я считал, что это была никому не нужная глупость, бравада. Конечно, он и был человеком смелым, решительным, трусом его не назовешь. Это в характере заложено.

Каганович замолчал, обратив взор в окно на Старую площадь, бульвар, памятник героям Плевны. О чем он думал в эти минуты, угадать было трудно. Молчал и я, забыв, что именно мне было поручено развлекать его разговором. Наконец, позвонил Ильичев и коротко спросил:

— Ну что, он у тебя? Проси, пусть заходит.

Я пригласил Кагановича в кабинет Ильичева. Лазарь Моисеевич не спеша поднялся, ни на кого не глядя, хмыкнул и вошел в дверь.

Уход его оживил Сергея Сергеевича Грибанова.

— Мы с ним старые знакомцы, — сказал он. — Видел, какая у него лапа. Так вот этим кулачищем он сбивал подчиненных с ног. Один раз и мне досталось — попал под горячую руку. Едва очухался. Но бывало и похуже. Мог швырнуть в человека чем попало. Или огреть палкой. У него была крепкая, тяжелая трость. Тут уж и до членовредительства недалеко. Не человек, а зверь был в гневе. Хотя и отходил, и добро людям делал. Но попробуй не выполнить его просьбу и не доложить в срок — мог изувечить.

Сергей Сергеевич замолчал, подойдя к окну. Потом поманил меня пальцем и тихо сказал:

ворился о встрече с ним. Однако ввиду того, что он заболел (инфаркт) и находился долгое время в больнице, встреча состоялась только 10 марта с. г. у него дома на Фрунзенской набережной.

Квартира Кагановича расположена на 6 этаже. В прихожей меня встретила женщина лет 50 в сером пуловере, изрядно поношенном. Она представилась дочерью Кагановича — Майей Лазаревной. Прихожая небольшая, метров 5—6, скудно обставленная, с картонной коробкой у хода, в которую, очевидно, выбрасывают мусор.

Дочь сразу же провела меня в комнату, которая, по-видимому, служит Кагановичу кабинетом. Она, как и прихожая, небольшая, метров 12—14, ее мне не удалось хорошо рассмотреть, так как меня сразу же усадили за небольшой канцелярский стол, который по виду напоминал те, которыми лет 50 тому назад обставлялись служебные помещения в учреждениях, а на столе находилась лампа с металлическим конусообразным абажуром, повернутым как раз в ту сторону, где я сидел. Сам же Каганович расположился напротив, у стены, в полумраке. У меня сложилось впечатление, что до моего прихода его туда посадили, так как за все время беседы, которая длилась около часа, он не предпринял ни одной попытки хотя бы приподняться. Рядом с ним стояли костыли, только при помощи которых, как сказала дочь, он может передвигаться. Выглядит Каганович как глубокий старец, лицо у него землисто-серое, возможно, после болезни, а также от полумрака в комнате. Он очень плохо слышит, и все время просит меня говорить громче, так что мне приходилось чуть ли не каждую фразу повторять дважды. Несколько раз жаловался, что плохо видит.

Поприветствовав меня и удостоверившись в моей личности (я показал ему свое служебное удостоверение), Каганович сразу же заявил, что несмотря на то, что у него нет партбилета, он считает себя коммунистом, а "дом", где я работаю, считает "святым местом".

На вопрос, имеются ли у него документы или материалы мемуарного характера, связанные с его работой в партийных и государственных органах в прошлом, Каганович ответил, что все числившиеся за ним официальные документы при уходе с работы он сдал. В том числе он передал в Общий отдел ЦК КПСС (т. Фетисовой) около 50 адресованных ему писем и записок Сталина.

Что касается других материалов, то, по словам Кагановича, у него сохранились неправоленные стенограммы некоторых его выступлений на различных собраниях и совещаниях. Имеются у него наброски воспоминаний об организации пропаганды марксизма среди рабочей молодежи в дореволюционный период, а также о его работе на различных постах в 20-х и 30-х годах, которые однако не носят заверщенного характера.

В связи с этим мною было сказано, что подобного рода материалы должны храниться в архиве ЦК КПСС. Каганович ответил, что он уже обдумывал вопрос о том, чтобы сдать имеющиеся у него материалы в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Каганович просил выяснить и разъяснить ему порядок сдачи, хранения и использования передаваемых на хранение материалов, в частности, вопрос о том, не будут ли они

УМЕЛ ХРАНИТЬ СЕКРЕТЫ

Несостоявшаяся беседа с Л. М. Кагановичем

Он прошел путь от сапожника до наркома, руководителя промышленности, транспорта, занимал высокие посты в партии. Это был талантливый организатор, жестокий и решительный руководитель, пользующийся полным доверием Сталина.

публиковаться без согласия автора. Беспокоит его и вопрос о том, сможет ли он получить ксерокопии передаваемых материалов, чтобы продолжить над ними работу, а также оставить их родственникам как память о себе. Он просил также передать заведующему Общим отделом просьбу о получении ксерокопий сданных им при уходе с работы писем и записок Сталина. При этом он сослался на то, что в свое время Молотову В. М. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ксерокопии аналогичных писем были предоставлены.

Когда мною было заявлено, что до передачи материалов в архив они не должны им передаваться каким-либо другим лицам, Каганович рассказал, что к нему постоянно обращаются с просьбой об интервью и ознакомлении с имеющимися у него материалами корреспонденты различных газет и журналов, но он им в этом отказывал.

Исключение составляет Л., который сумел создать о себе положительное впечатление тем, что рассказал о том, как помог написать кому-то из бывших работников железнодорожного транспорта (фамилию его Каганович забыл) воспоминания, в которых есть ряд эпизодов и тем, близких Кагановичу ввиду его работы в прошлом на транспорте. Л. несколько раз приходил к Кагановичу на квартиру и вел беседы, представляя себя то ли ученым-историком, то ли журналистом.

Выслушав мое сообщение о том, что Л. представляет себя его "помощником", Каганович этим возмутился и сказал, что это с его стороны "нахальство", что, очевидно, этот человек хочет "сделать себе карьеру". По словам Кагановича, никаких материалов из своего личного архива он Л. не передавал.

Тем не менее нельзя исключать, что какой-то информацией об архиве Кагановича Л. располагает. После встречи с Кагановичем мною была отдельно проведена беседа с его дочерью Майей Лазаревной. Она рассказала, что однажды неожиданно вошла в комнату, где беседовали Каганович и Л. При этом она заметила, что Л., воспользовавшись тем, что Каганович плохо видит и слышит, записывает беседу на портативный магнитофон. Когда она обратила на это внимание, то Л. сконфузился и прекратил запись.

В заключение беседы Каганович сказал, что рад был встретиться с работником аппарата ЦК КПСС. Чувствовалось, что во время беседы он был напряженным, тербил рукой журнал "Коммунист", который лежал у него на столе. Рядом со столом стояла старая этажерка с книгами, на которую он время от времени опирался рукой. Что за книги стояли на этажерке, трудно было разобрать, но мне показалось, что они были с обтрепанными корешками и обложками.

При уходе от Кагановича, уже одеваясь, я обратил внимание, что из прихожей ведет дверь еще в одну комнату, очевидно, спальню.

Полагал бы целесообразным дать ответ Кагановичу на поставленные им вопросы и договориться с ним о передаче материалов его личного архива в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС.

П. ЛАПТЕВ

12 марта 1990 года

Обсудив вопрос, мы пришли к выводу, что условия, выдвигаемые Кагановичем, неприемлемы. Торговаться Отделу ЦК хотя бы и с известным деятелем коммунистического движения нам не пристало. Ему было передано, что если он намерен что-то опубликовать в "Известиях ЦК КПСС", то может сделать это, направив рукопись в журнал. А просить его об этом, тем более от имени ЦК КПСС, мы не можем. Отвечая Кагановичу подобным образом, я вовсе не хотел нагло "закрывать двери". Поэтому стал договариваться о встрече, как позволит ему состояние здоровья, а мне бесконечная занятость. Но встрече с "железным наркомом" состояться было уже не

Окончание на стр. 4

ЗАВЕДУЮЩЕМУ ОБЩИМ ОТДЕЛОМ ЦК КПСС
товарищу БОЛДИНУ В. И.

В последнее время к ряду работников Общего отдела ЦК КПСС неоднократно обращался по телефону некто Л., называвшийся помощником Л. М. Кагановича. Первоначальное его обращение было в начале декабря 1989 г. в "Известия ЦК КПСС" и касалось публикации в журнале документов о сносе Сухаревой башни. Л. заявил, что Каганович мог бы дать ответ на эту публикацию в случае обращения к нему от имени ЦК КПСС. Он также сообщил, что у Кагановича хранится ряд интересных с исторической точки зрения материалов, в частности, его воспоминания.

Учитывая, что среди материалов могли быть и такие, которые подлежат хранению в архиве ЦК КПСС, было решено встретиться с Кагановичем для того, чтобы выяснить характер указанных документов. С этой целью я позвонил Кагановичу по телефону и дого-